

Первые трудности

В небольшой комнате семейного общежития с давно некрашенным полом, выцветшими обоями, в которой они прожили уже чуть больше месяца, только стоящий в углу чемодан принадлежал им, а все остальное: кухонный стол, стул, койка с выдавшим виды матрасом и даже круглый, с треснувшим стеклом будильник—были чужими. Они не видели хозяев этих вещей и каждый день с беспокойством ждали их прихода, потому что денег на приобретение других не было, а просить, чтобы оставили хотя бы на время, было неловко, да и неприятно. Особенно волновалась Ирина.

— А вдруг они придут? — почти каждый вечер говорила она, боязливо прислушиваясь к стуку дверей, шагам в гулком общежитском коридоре. — И заберут все, — вздрагивала, обводила взглядом комнату, вздыхала: — Хоть бы кровать оставили, не будет же Наташка на полу спать.

— Да ни к чему им это старье, — возражал Андрей. — Ты только представь в новой квартире вот этот кухонный стол или стул.

— А вдруг! — упрямо повторяла она и с мольбой: — Ты, Андрюша, найди их, спроси. Может, им заплатить надо. Разные же люди бывают.

— Ладно, — в конце концов неохотно согласился он и с трудом, но все же отыскал хозяев.

Они жили в новом микрорайоне, в благоустроенной квартире, где пахло краской, со стен весело смотрели обои, а пол блестел от солнечного света.

— Вещи?! Какие вещи?! — мужчина удивленно посмотрел на него. — А-а.- — пренебрежительно махнул рукой. —

Да я и думать о них забыл, — широко улыбнулся, спросил — Теперь, значит, ты там живешь. Ну-ну. Будильник-то тикает?

— Тикает.

Ну и хорошо, — мужчина засуетился. — Да ты раздевайся, проходи. Зарубежного кофейку попьем, поговорим. Соскучился я по разговору. В общаге, сам знаешь, в этом отношении запросто — вышел в коридор или на кухню и разговаривай сколько влезет, а здесь, как в берлоге, — махнул рукой, спросил: — Тебя как зовут?

— Андреем.

— Значит, тезка, — хлопнул по плечу. — Ну, проходи...

Не стесняйся.

Андрей прошел следом за ним в просторную чистую кухню, которая размерами не уступала их комнате, сел за стол.

— Сам-то местный или приехал откуда? — спросил мужчина, наполняя маленькие чашки кофе.

— Приехал.

— Издалека?

— Издалека, — неохотно отозвался Андрей. — Почти двое суток на поезде.

— Один?

— Нет. С женой и ребенком.

— Жена — это хорошо, — выдохнул тот. — А вот ребенок... — покачал головой, пододвинул сахарницу. — Ребенку сколько?

— Скоро год.

— «Скоро», — мужчина усмехнулся. — Жена, конечно, не работает, ясли-сад — обещают, денег — только-только... Как под копирку. У меня точно так же было, но для меня это пройденный этап, а для тебя..- — задумчиво помешал чайной ложкой в чашке, вскинул глаза:

— У родителей жили?

— У родителей.

— А почему ушли?

— Да-а... — Андрей пожал плечами. — Жене самостоятельности захотелось, да и... — поскреб затылок, — теща...

— Трудно тебе будет, парень. Впрочем, — подмигнул, — я со своей симпатичной в этой комнатухе больше десяти лет прожил, сына растил и, как видишь... — повел рукой, спросил: — Трудисься где?

— В сантехмонтаже.

— Заработки как?

— Не знаю еще, — Андрей пожал плечами. — Завтра первая получка.

— Работал я в этой шараге, — мужчина поморщился. — Деньги по почте... — побарабанил кончиками пальцев по столу. — Еще налить?

— Спасибо. Мне пора. Ждут.

— Пора, значит пора, — мужчина поднялся из-за стола.

Прощаясь, сказал: — Ты, Андрей, главное, не пасуй. Жизнь, она такая, ей палец в рот не клади — живо отцапает- Ты ей лучше кулак под нос или фигу... Ну, счастливо. Если что — заходи. Помогу. Знаю я эту общежитскую жизнь. Вот она у меня где, — звучно похлопал себя по шее ладонью и крепко пожал руку.

Когда Андрей вернулся домой, дочка спала. Ирина сидела у окна и что-то шила.

— Ну что? — шепотом спросила она, когда он разделся и осторожно присел на краешек кровати.

— Все нормально, — тихо ответил он. — Пользуйтесь, сказал, на здоровье. О будильнике спросил, тикает ли.

— Вот здорово! — она положила шитье на подоконник.

— Ты даже не представляешь, как это здорово! — оторвала от лежащей на столе пачки с сахарным песком клочок бумаги, взяла ручку, негромко позвала: — Иди сюда. Садись, — пододвинулась, когда он сел рядом, потеряла виски, уронила:

— Значит так... Сколько у тебя будет получки?

— Не знаю, — растерянно пробормотал он. — Мастер сказал, что наряды закрыл хорошо... Ну, рублей сто двадцать — сто тридцать.

— Ладно. Пускай — сто, — великодушно сказала она.

— Значит так, — наморщила лоб, — перво-наперво купим детскую коляску и детский горшок. Потом...

Она писала, вычеркивала и снова писала, и он видел, что это доставляет ей большое удовольствие. Наконец, она провела внизу жирную линию:

— Все! Посмотри, может, я что-нибудь пропустила.

— А зачем мне смотреть, — улыбнулся он. — Теперь ты хозяйка деньгам, а не твоя мать. Теперь я свои деньги своей жене отдаю, а не кому-нибудь. Мое дело — их заработать и отдать тебе, а уж твое... — развел руками.

— Значит так, — она покусала губы. — Завтра с утра ты пойдешь в баню. После бани зайдешь на почту. Потом мы, все вместе, пойдем в магазин за детской коляской, потом... Она распланировала день почти по минутам и впервые за месяц была веселой и радостной.

— Все будет хорошо, — деловито и уверенно говорила она. — Вот увидишь. Это сначала трудно, а потом все станет на свое место. Я знаю.

— Откуда? — спросил он, улыбаясь.

— Знаю и все, — решительно проговорила она. — Потом мы устроим Наташку в садик и будем работать вместе... Вдвоем. Главное — преодолеть первые трудности...

На следующий день, после бани, он зашел на почту. Перевод был, но полочки — всего лишь пятнадцать рублей сорок четыре копейки.

Отойдя в сторону, он какое-то время тупо смотрел на маленький листок бумаги, чувствуя, как что-то обрывается у него внутри. Как во сне, получил деньги и вышел на улицу. Вяло, не глядя по сторонам, куда-то пошел...

Он шел и представлял, как Ирина ждет его. Как, наверное, уже одевает Наташку, чтобы идти в магазин, как... Хотел, но не мог

представить, как они будут жить до аванса. Отчетливо представил, каким будет ее лицо, и застонал от бессилия.

Надо было что-то придумать, но что?

-- ...Сто пятьдесят рублей восемьдесят копеек, — сказала приемщица в магазине ювелирторга, снимая с весов его обручальное кольцо. — Будете сдавать?

— Да, — глухо уронил он, стараясь не смотреть на нее...

По дороге домой на миг приостановился и приписал на бланке перевода к цифре пятнадцать маленький нуль, чем-то очень, очень далеко похожий на обручальное кольцо.